



Рисунок А. Лобашинского

## Обещания, которые выполняются

Итак, лед тронулся. Официальная Москва готова наконец открыть зрителям двери новых театров. Собственно, двери эти всегда гостеприимно распахивались и подчас трещали под мощным зрительским напором. Но настало время московскому театралу войти в знакомые залы с иными, доселе не испытанными чувствами: решением исполкома Моссовета театры-студии М. Розовского «У Никитских ворот», С. Кургина «На досках», М. Щепенко «На улице Чехова» и В. Спесивцева в Московском институте стали и сплавов становятся участниками эксперимента. Они получают официальное признание, входят охотно в московскую афишу наравне с профессиональными театрами и будут работать на полном хозрасчете. Как видим, в этот список не вошел Театр-студия «На Юго-Западе» — он решением исполкома Гагаринского района столицы получил право (опять же экспериментально) нормального функционирования как профессиональный коллектив. Фактически эти театры-студии не выходят из системы самодеятельного творчества, но их берет «под свое крыло» Главное управление культуры, которое, предоставив им определенные права, и будет ненавязчиво осуществлять контроль за их деятельностью, принимая участие в вопросах формирования репертуара, приема спектаклей. Экономисты, учитывая «особые условия» творческой жизни этих

театров, не будут утверждать им ни количества премьер в сезон, ни необходимого числа обслуженных зрителей — ведь «коммерческая вместимость» залов крайне низка — 100—200 человек — и вынуждать новоиспеченные театры гнать план, значит досрочно превращать их в чисто коммерческие предприятия. Будет ли и дальше идти процесс профессионализации театров-студий? Результаты эксперимента помогут дать ответ. Но этот процесс предполагает определенную тарификацию артистического персонала. Есть возможность считать членов театров-студий артистами второй категории — ведь речь должна идти прежде всего о необходимости стимула к дальнейшему росту, уверенности в своем «артистическом» будущем.

Тут-то мы и сталкиваемся с одним из самых серьезных «по». Чтобы получить официальный статус артиста, необходимо «порвать со своим прошлым». Ведь в студиях много тех, кто, обладая несомненным актерским даром, по своему образованию не имеет отношения к театральному искусству. Режиссеры убеждают, что их «звезды» готовы бросить основную специальность во имя искусства. Но представим себе, что эксперимент не удался или театр-студия расторг договор с артистом. Смогут ли вернуться «звезды» к кульману или станку? Ведь Главное управление культуры — и это оговаривается в положении об эксперименте — не несет обя-

зательств по трудоустройству артистов.

В новых театрах-студиях практически нет людей экономически грамотных, разбирающихся во всех тонкостях театрального дела. А ведь они так необходимы им именно сейчас, в период неопределенности и зыбкости. Они будут нужны и в будущем, чтобы можно было реально представить себе пути развития наших новых театральных коллективов.

Не разобравшись в этих противоречиях и не придя к определенной точке зрения на те или иные вопросы, Совету студий (а именно этот орган будет осуществлять внутритеатральное руководство) трудно будет обеспечить спокойную и стабильную жизнь творческого коллектива.

А теперь откройте записные книжки — мы назовем адреса, по которым эти театры начнут работать.

Театр-студия «У Никитских ворот» получает третий этаж здания кинотеатра Повторного фильма, где будет произведена реконструкция помещений. Театр-студия «На досках» поселится во Вспольном переулке в самом центре Москвы. М. Щепенко со своим театром переедет на улицу Чкалова, а студия В. Спесивцева, вероятно, будет предоставлено помещение на улице Орджоникидзе.

Надеемся, что к началу эксперимента — январю 1987 года — организационные проблемы по ремонту, реконструкции помещений

существенно отличаться от функционирования студий. Театры эти профессиональные, и работать они будут, как и все наши театры, на государственной дотации.

Существует вариант решения о театре А. Васильева при Москонцерте — таким путем в дальнейшем его будет проще перевести в официальный статус профессионального. Кроме того, Васильев, как говорят, режиссер сложный, непредсказуемый, ему трудно уложиться в установленные временные репетиционные рамки.

Это будет театр не только экономического, но и режиссерского эксперимента. Не имея собственной труппы, Васильев предполагает восстановить три спектакля, поставленных им когда-то, и начать репетиции с приглашенными артистами. А единомышленники — мы это знаем — у него есть.

Пока неизвестно, будет ли О. Табаков восстанавливать свой старый репертуар или приступит к новым постановкам.

Трудно пока сформулировать и художественную программу театра, который предполагается создать из курса Щепкинского училища. Ясно только, что это будет театр молодежный и по составу исполнителей, и по аудитории. Но без четкой, ясно сформулированной программы молодежи просто так в театр не привлечешь, поэтому хорошо бы превратить театр и то помещение, которое он будет занимать, в своеобразный молодежный культурный центр. Будущим актерам этого театра все же необходимы педагоги, в частности по сценической речи (ведь в планах театра — даже «Тимон Афинский» В. Шекспира), так что два процесса — репетиционный и учебный — будут идти параллельно.

Будем надеяться, что, получив наконец серьезную поддержку, не обделенные зрительской любовью «новички» нашей театральной афиши заявят о себе уже в ином качестве, откроют новый, яркий период в искусстве — словом, сумеют сделать то, на что претендовали так много лет.

Е. Плавская